

Судьбы

Александра ТУРГАН

Корреспондент "Культуры" беседует с Галиной и Валерием Пановыми

Родина великого Бетховена маленький Бонн — это не только город политиков, но некогда один из любимых курортов магнатов. Между концертами под звон бокалов с золотым вином на берегу Рейна заключались сделки, поэтому в эйланде музыкальные традиции и прочие и давние. Денег на искусство тогда хватало. Сейчас, троем, времена изменились, и аллобы на нехватку средств становятся местом.

Но власти земли Северный Рейн-Вестфалия все равно делают все, чтобы сохранить музыкальное лицо Бонна. Валерий Панов, главный балетмейстер боннского оперного театра, живет и работает на Западе уже много лет. Галина Панова (загозина), его супруга, — прима-балерина театра, и большинство артистов — наши танцовщики. Родственным было мое желание узнать, как им живется здесь и что такое работа "за кордоном". Для большинства танцовщиков — это первый контракт и первый опыт жизни на Западе.

После спектакля все не разбираются, а допоздна сидят в канто-е, актерском буфете. Видно, что ребятам вместе не в тягость. Русская, немецкая, английская речь — немного пива и разговоры... — Как вам работаете в Германии?

— Понимаете, после тридцати себе не выскочить, наш век недолг. У многих дети, надо о них думать. А дома криминал и никакой защиты во всем. Конечно, хочется нормально и спокойно работать. Почему нельзя быть гражданином мира? Прожить жизнь в родной стране и в одном театре просто скучно. Посмотреть мир, ну не туризм, сами понимаете, а встретиться с разными балетмейстерами, все попробовать, стать профессионалами, наконец. В нашем театре работаешь без лишней эмоций, но, думаешь, так не везде.

— Вы все не просто плотно заняты в репертуаре, а порой ведете каждый несколько пар-

тий в спектакле. Удастся ли выбираться на конкурсы? — Конкурсы — это протестация! Все заранее распределено. Сама подготовка к конкурсу, конечно, что-то дает для формы, рекламы, а так летать за свои, не выпада из репертуара, ну и даже если ты взял золото? А потом таких "золотых" никто не берет, потому что не интересны как танцовщики.

— То, что Валерий — русский хореограф, легко или сложно? — Он спокойный, нервы не мотает, дает работать, иногда даже чересчур мягкий. Но может и наорать, но только на нас, на "своих". С западными танцовщиками надо обходительно, сперва хвалить — потом замечание. Они хитрее. Не такие простые ребята, как мы, себя берегут и деньгам знают счет с детства. Не то, что мы. Но русская школа совершенно иная, и им бывает временами сложно делать то, что у нас уже в "автомате". Валерий, соединяя все школы и стили, пытается создать свою "пановскую" школу. Он имеет на это право, был замечательным танцовщиком и может объяснить не только "что", но и "как", а это мало кто умеет, хотя временами в его хореографии бывает трудновато.

— Национальные школы — это вымирающее понятие?

— Знаете, только здесь понимаешь, как нас хорошо учили — мы многое можем, без дураков! А сценический образ? Это же чисто русское понятие. Западные артисты танцуют балетные комбинации, но публика все чувствует прекрасно и идет за тобой, если ты вкладываешь душу. А школы? Сейчас это все рушится — все танцуют в одном стиле. Конечно, Петипа не уйдет никогда, но с уходом выдающихся мастеров некому передать классическое наследие. Модерн? Кто его лучшие исполнители? Классические танцовщики. А наоборот не получается. Модерн надо танцевать, когда пора на пенсию, когда классика уже не тянешь.

— Чего вам не хватает в этой жизни?

— Конечно, хочется классики, но и попробовать нечто иное. Не привычно танцевать один или два спектакля в сезон, а потом прощаться с ними. Только растануешься — и все. Не хватает родителей, друзей, нашей фанатной труппы, костюмера в кулисе с чайком. Наших грамотно сшитых костюмов — у нас высочайшие

Галина Панова на рекламном плакате спектакля "On Your Toes"

Культура. - 1995. - 25 июля. - 11 июля (N 25). - С. 10-11.

Дикие

классика поставлена вами на Западе — "Идиот", "Три сестры", "Война и мир". В труппе много наших танцовщиков. Это ваша установка?

— Люблю русское балетное тело, русский талант, который сидит в природе русского человека, обожаю работать со своими — они и артисты, и замечательные танцоры, потрясающие индивидуальности, характерные, деми-характерные, что на Западе очень редко можно встретить. Но вместе с этими подарками я приобретаю огромную проблему — учить человека быть человеком. На Западе существует не привычное для нас понятие профессионализма. Дисциплинированный, законопослушный человек — это профэтинал! Я смеялся раньше над этим — это хорошо воспитанный, дисциплинированный артист, но это не профессионал на сцене. Теперь я понимаю, что, пользуясь социальными привилегиями, которые дает западная демократия, имея контракт, ты обязан соблюдать все — от и до. С нашими это не получается. При любой зарплате тебе полностью оплачивается абсолютно все — медицинское обслуживание, включая сложнейшие операции в любой стране мира. Но необходимо этому соответствовать. Если гениальный Нуриев позволял себе всюду опаздывать на полчаса, то что говорить о других? В Германии потрясающе отлаженная система законодательства, но только минимум через три-четыре года наши ее осваивают. Разгильдяйство, приобретенное при советской власти, цепко сидит в человеке. Необходимо понимать, что такое время. Хотя талантливые люди всегда немножечко ненормальные, и им за это и платят, но дисциплина — проблема всех моих балетных компаний, где бы я ни работал. И все равно я, как папа, собираю у себя всех русских.

— А как с искусством?

— Это закончилось в шестидесятые. Сейчас никто не спрашивает, что и как ты танцуешь. Главный вопрос: сколько ты получаешь?.. С самим Валерием Пановым мы проговорили в его офисе три часа. К концу он взмолился: отпустите меня, пожалуйста, домой: это самое длинное интервью в моей жизни.

— Чуть ли не вся русская

невозможны, люди возмущаются, и выводы будут сделаны... Эмоциональная сторона никого не волнует — аргументируйте свои претензии.

— Но, может быть, жесткость и необходима? Мы так эмоционально распушены, живем, исходя из своих состояний и настроений теряется, но без нее невыносимо?

— Демократия — это жуть! Это безумное напряжение. Это профессионализм. Но, зная и соблюдая законы, двигайся, куда хочешь. А Советы так отшлифовали мозги на дисциплину, что уйма времени минут, пока придет здоровое самосознание. Я это знаю по себе — мне было невыносимо трудно с собой первые пять лет.

— Когда вы говорите о несостоятельности нашего национального характера, от которого вы как профессионал страдаете, считаете ли вы эти проблемы всегдашними или только последнего времени?

— Я думаю, что вкушая результат распада.

— Мне тоже кажется, что эта проблема ранее так остро не стояла. Было чувство ответственности, существовали профессиональные этика и языки. Деятели искусства всегда были на виду, их влияние и авторитет были огромными. И им тоже ничто человеческое не было чуждо. Люди иногда срывались, было отчего, даже уходили в запой, но чувство профессионального долга пересиливало, а временами просто спасало. Свобода, так неожиданно свалившаяся на молодых, которую они не выстрадали, несколько развратила их...

— Я не хочу быть стариком и утверждать, что мое поколение было лучше, но корни этой проблемы мне ясны. Умение восторгаться новым, учиться всегда, во всем, впитывать в себя все, что бурлит, рождается, спорить — к сожалению, нам не всегда свойственно. Взять, к примеру, Юрия Любимова, он в возрасте попал на Запад, но я видел, что он учится всему, как ребенок. Кстати, он

назначен нашим главным режиссером и приглашен на три постановки, но финансовая ситуация в театре несколько откладывает работу. Возраста для таланта нет.

Возьмите Ростроповича, ведь он "парняга", заводила. Но другое дело, что он не путает жизнь и сцену. Творческий профессионализм все ставит на свои места.

— Проблема дисциплины — самая болезненная?

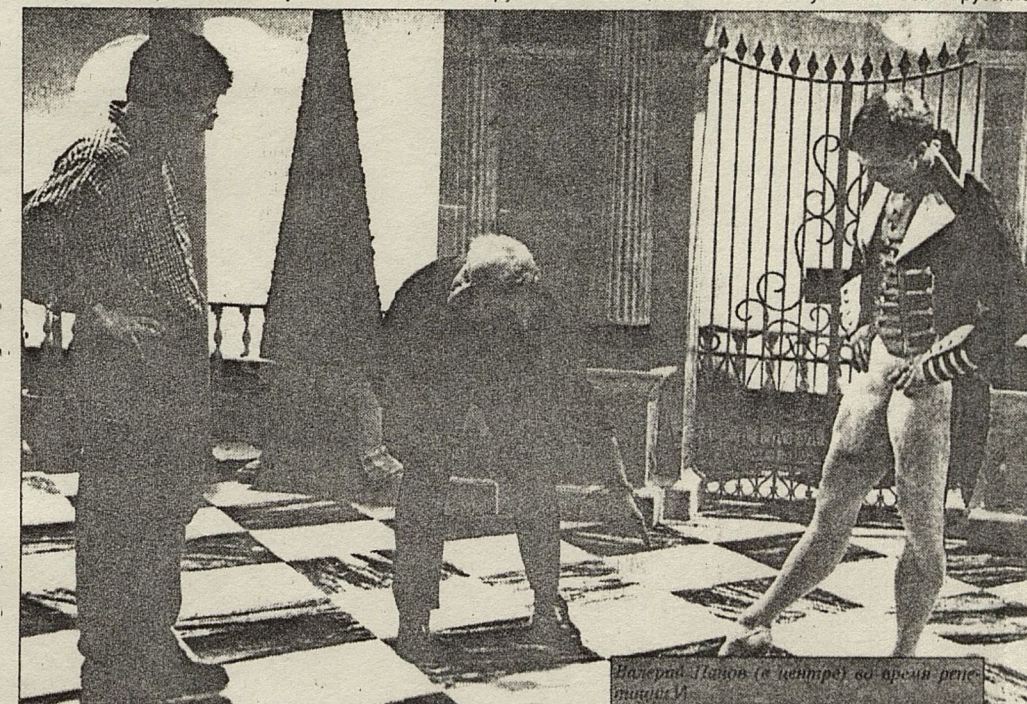
— Наипервейшая проблема со стопами — "чистые пальцы". Я получаю удивительные тела, таланты, иногда хорошее образование — что сейчас большая редкость. Но в обучении наших танцовщиков все больше проявляется небрежность именно в смысле работы со стопой. В результате у танцовщиков не работают пальцы, теряется скорость при движении, без которой нет современного танца. Этой проблемы нет у аме-

лошади

полнение всех позиций. А наши зачастую — "принцы в лаптах", так это здесь называется! Смотреть на это нельзя, даже если танцовщик замечательный. Небходима чистота, абсолютная чистота стоп, а стало быть, и линии! И это опять проблема философии и культуры.

Мои коллеги-иностранцы часто смеются надо мной: "Ты ищешь мифических исполнителей!" Да, я, наверное, как гоголевская Агафья Тихоновна, желаю иметь не возможное: замечательные пальцы "фит", как у Бурновилы, чтобы пихты и дуэты делали, как в России, чтобы быстрота ног была, как у Балдинина, техника классического танца, как у лучших танцовщиков мира, и чтобы была необыкновенная персональность, сценичность, — таких нет!

И следующее несчастье — это остатки советского сознания: "Мы лучшие в мире!" К сожалению, многие знаменитые танцовщики и педагоги уезжают слишком поздно на Запад. А Запад — страшная вещь. Жизнь в буквальном смысле слова заставила меня учиться всему заново, и теперь, встречаясь со своими коллегами, я с грустью замечая, как

Валерий Панов (в центре) во время репетиции

десятилетия. Чтобы жить здесь, повторю, необходимо учиться законам западной демократии. Все приехавшие сюда наши "wilde horses" — дикие, необъезженные лошади, как говорят англичане.

Талант исчезает, если его не развивать. Если ты говоришь: я лучший в мире, то конец тебе! Как можно сегодня работать, не зная Бурновилы, Балдинина, Робинсона, Грем, Тетли, Килиана? Как можно работать без откровений Аштена в классике, без открытий французской школы? Это и есть наше имперство, и оно мучает меня всю мою жизнь.

— Как относятся в театре к тому, что так много русских?

— Никак. Людей набирают по таланту — и это тоже форма демократии. Всегда, наверное, некоторая доля национализма существует, но, конечно же, балетный мир произошел из России. Сначала Петипа сохранил все, что потерял Запад, — "Жизель", "Тщетная предосторожность". Потом пришел Дягилев и продиктовал устройство балета на ближайшие полвека. Знаменитый Аштен говорил о себе, что он не английский хореограф, так как все его учителя были русские.

— Мое кажется, экономические возможности и здесь лимитируют художника. Сильно повязаны вы ими?

— Балачин — гений балетного дизайна — на вопрос "почему он так открыл танцовщиков и обнажил формы?" отвечал, ошарашивая всех: просто у меня нет денег на костюмы. Я был юным, совсем ничего не понимал, думая, что это театральное кокетство. А все так и есть.

— Но на театры оказывают давление со стороны?

— Практически нет. Здесь, в Германии, как, впрочем, и в других странах, давить на тебя может только генеральный интендант театра, и ты ничего не сможешь сделать, если твое решение не одобрено им. Конечно, ваш контракт — подспорье, в трудной ситуации он дает возможность маневра. Но интендант всегда может перекрыть вам кислород — хотя вместе с адвокатом обговариваешь пункты. Но как обговорить творческие нюансы? Да, интендантами должны быть высокие специалисты театральной организационной работы со знанием искусства, музыки и театра, но никогда не экономисты. В Германии финансовые структуры не связаны с руководством театра, они работают самостоятельно, в этом принципе. Разделение осознанное — должен быть контроль. И поэтому городские власти назначают финансового директора, нанимают директора балетной, оперной компании. Глава театра — генеральный интендант — дол-

жен ор бы все любить несбыт дость.

— О публики

— Н модерн идею. А рое. К класси гажири Бонне и щаются Богу, в ременн маркет атр во. ибо зри тую нот

— А исполн

— Ни ходят. У ловек с очень м ностях и ских. Я жен инс ребята. мать. Не одна из Могут кд гда испс ду у нас центная показат

— Да нам вау

— В 1 ли из С. Это пала дг нас зам сих пор. другое, национа ли мил венно, 1 Одного бы. Мы 1 чество 1 все пони упустить были сс для Изри использ ительны такты.

— А время о

— Мы когда. Н паться, 1 чество — нужным, быть в ф — это г Сейчас у

профессионалы этого дела. Нашей особой театральной атмосферы не хватает. И, конечно, надо учить язык, но когда? Мы же в театре все время.

— Про наших говорят, что они все время думают о деньгах.

— Мы? Да мы лохи! Мы вначале подписываем контракты, а потом переводим и понимаем, что все совсем не так, как договаривались. В двадцать лет мы вообще не обсуждали эту тему — мы были так воспитаны. Конечно, надо работать с агентом, платить ему 15 процентов, но дирекция не очень любит брать таких. На них трудно давить, их нельзя уговорить играть с травмой, а нас можно: укол в связочку — и пошел... Но, конечно, здесь ты защищеннее, здесь все на контракте — и дирекция, и ты. И тебя нельзя за три дня уволить из театра. Если контракт не продлевается, сообщают за девять месяцев, и в суд можешь подать. В каждом театре есть юрист.

— А как с детьми управляется?

— Сложно. В театр брать с собой, как у нас, нельзя — таковы правила. Сидят дома с собаками. Особых кружков, школ и занятий для детей здесь нет. Но и у нас уже все это рушится. Знаете, только у русских танцовщиц семьи и дети, наши западные коллеги одинокие, соответственно, не имеют наших проблем.

— А как с искусством?

— Это закончилось в шестидесятые. Сейчас никто не спрашивает, что и как ты танцуешь. Главный вопрос: сколько ты получаешь?..

С самим Валерием Пановым мы проговорили в его офисе три часа. К концу он взмолился: отпусти меня, пожалуйста, домой: это самое длинное интервью в моей жизни.

— Чуть ли не вся русская

Кулобурн. — 1995. — 25 июля. — 14 июля IN 25. — С. 10-11. Дикие

классика поставлена вами на Западе — "Идиот", "Три сестры", "Война и мир". В труппе много наших танцовщиков. Это ваша установка?

— Люблю русское балетное тело, русский талант, который сидит в природе русского человека, обожаю работать со своими — они и артисты, и замечательные танцоры, потрясающие индивидуальности, характерные, деми-характерные, что на Западе очень редко можно встретить. Но вместе с этими подарками я приобретаю огромную проблему — учить человека быть человеком. На Западе существует не привычное для нас понятие профессионализма. Дисциплинированный, эконопослушный человек — это профессионал! Я смеялся раньше над этим — это хорошо воспитанный, дисциплинированный артист, но это не профессионал на сцене. Теперь я понимаю, что, пользуясь социальными привилегиями, которые дает западная демократия, имея контракт, ты обязан соблюдать все — от и до. С нашими это не получается. При любой зарплате тебе полностью оплачивается абсолютно все — медицинское обслуживание, включая сложнейшие операции в любой стране мира. Но необходимо этому соответствовать. Если тебе всюду опаздывать на полчаса, то что говорить о других?! В Германии потрясающе отлаженная система законодательства, но только минимум через три-четыре года наши ее осваивают. Разгильдяйство, приобретенное при советской власти, цепко сидит в человеке. Необходимо понимать, что такое время. Хотя талантливые люди всегда немножечко ненормальные, и им за это и платят, но дисциплина — проблема всех моих балетных компаний, где бы я ни работал. И все равно я, как папа, собираю у себя всех русских со всего мира.

— Вам нужны танцовщики, которые умеют все. Ваша труппа небольшая?

— Здесь и всюду принято говорить балетные компании. Наша была из тридцати семи, но я сократил ее, чтобы больше платить достойным. Но с русскими всегда трудно, им всегда мало... — А откуда идет такое самосознание?

— Потому что мы всегда нищие были. Ну и, конечно, от незнания законов, отсутствия воспитания. Пока сообразят — уже надоели, и их увольняют. Здесь все очень жестко — это и есть демократия. Но увольнение — это и форма свободы, это сложная форма жизненной борьбы. Необходимо все время повышать свое качество, чтобы не быть уволенным. Советский человек не привык быть самостоятельным... А здесь будь ответственным, иначе потеряешь работу в Германии, а здесь любая работа подарок, таких социальных гарантий нигде нет. Это прекрасно осознают западные танцовщики. Демократия — это безумно трудно! А наши приезжают жить, чтобы хорошо жить. Не умеют быстро справляться с травмами, восстанавливаться. Немцы даже любят подчиняться, а нам необходимо, чтобы нас били, и тогда порядок возможен. Этих проблем нет ни с англичанами, ни с французами.

— Так что же, выходит, хорошим танцовщикам лучше не уезжать?

— Я сам пытался освободиться от этого, но, наверное, сидит и во мне тоже это страшное желание "Хочу все сразу!". Получить все очень быстро, и обязательно, чтобы это было наилучшим образом оплачено! Это не только в искусстве — это во всем. По всему миру открывается множество русских ресторанов, кафе, закусочных. Берутся огромные деньги за блюда. А через пару месяцев все закрывается. Потому что форма, сама философия обслуживания и отношения к людям и к закону напрочь отсутствует — это не воспитано в нас. Мы не умеем уважать закон! Надо учиться быть людьми! Тут одна танцовщица выразила свои претензии рукоприкладством, и ее уволили, хотя и увольти было непросто.

Германия — одна из образцовых демократий в мире. Здесь диктат, жесткие отношения долго

невозможны, люди возмущаются, и выводы будут сделаны... Эмоциональная сторона никого не волнует — аргументируйте свои претензии.

— Но, может быть, жесткость и необходима? Мы так эмоционально распухли, живем, исходя из своих состояний и настроений. Культура взаимоотношений теряется, но без нее невыносимо?

— Демократия — это жуть! Это безумное напряжение. Это профессионализм. Но, зная и соблюдая законы, двигайся, куда хочешь. А Советы так отшлифовали мозги на столетия, что уйма времени минует, пока придет здоровое самосознание. Я это знаю по себе — мне было невыносимо трудно с собой первые пять лет.

— Когда вы говорите о несчастьях, проблемах нашего национального характера, от которого вы как профессионал страдаете, считаете ли вы эти проблемы всегдашними или только последнего времени?

— Я думаю, что вкушаю результат распада.

— Мне тоже кажется, что эта проблема ранее так остро не стояла. Было чувство ответственности, существовали профессиональные этика и языки. Деятели искусства всегда были на виду, их влияние и авторитет были огромными. И им тоже ничто человеческое не было чуждо. Люди иногда срывались, было отчего, даже ухаживали в запой, но чувство профессионального долга пересиливало, а временами просто спасало. Свобода, так неожиданно свалившаяся на молодых, которую они не выстрадали, несколько развратила их...

— Я не хочу быть стариком и утверждать, что мое поколение было лучше, но корни этой проблемы мне ясны. Умение восторгаться новым, учиться всегда и всему, впитывать в себя все, что бурлит, рождается, спорит — к сожалению, нам не всегда свойственно. Взять, к примеру, Юрия Любимова, он в возрасте попал на Запад, но я видел, что он учится всему, как ребенок. Кстати, он

назначен нашим главным режиссером и приглашен на три постановки, но финансовая ситуация в театре несколько откладывает работу. Возраста для таланта нет.

Возьмите! Ростроповича, ведь он "парняга", заводила. Но другое дело, что он не путает жизнь и сцену. Творческий профессионализм все ставит на свои места.

— Проблема дисциплины — самая болезненная?

— Наипервейшая проблема со стопами — "чистые пальцы". Я получаю удивительные тела, таланты, иногда хорошее образование — что сейчас большая редкость. Но в обучении наших танцовщиков все больше проявляется небрежность именно в смысле работы со стопой. В результате у танцовщиков не работают пальцы, теряется скорость при движении, без которой нет современного танца. Этой проблемы нет у аме-

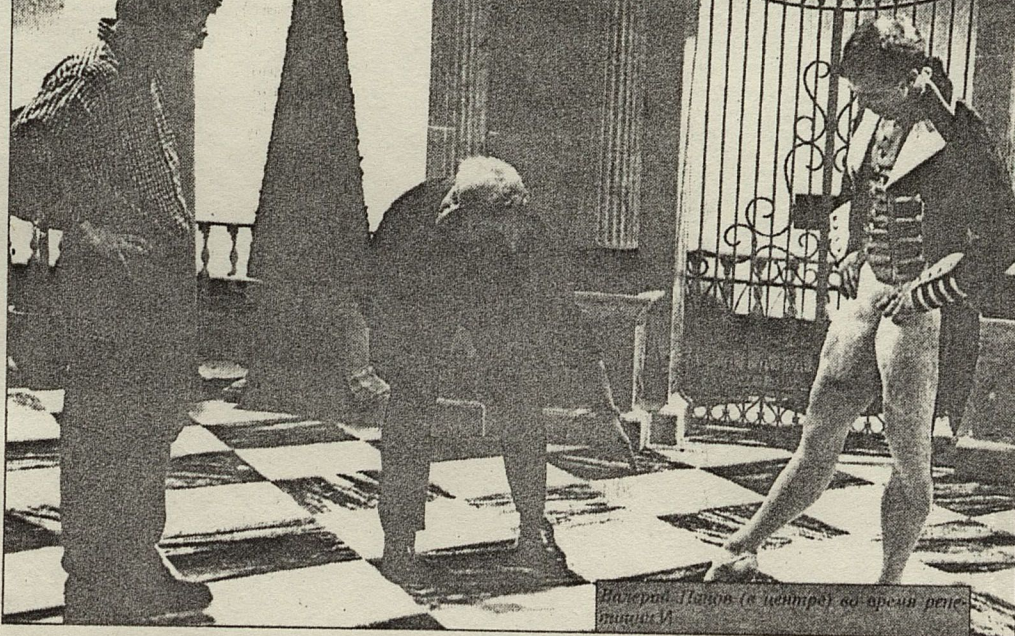
риканцев, но у нас это тоже форма демократии. Всегда, наверное, некоторая доля национализма существует, но, конечно же, балетный мир произошел из России.

Сначала Петина сохранил все, что потерял Запад, — "Жизель", "Тщетная предосторожность". Потом пришел Дягилев и продикувал устройство балета на ближайшие полвека. Знаменитый Аштен говорил о себе, что он не английский хореограф, так как все его учителя были русские.

полнение всех позиций. А наши зачастую — "принцы в лаптях", так это здесь называется! Смотреть на это нельзя, даже если танцовщик замечательный. Необходимо чистота, абсолютная чистота стоп, а стало быть, и линий! И это опять проблема философии и культуры.

Мои коллеги-иностранцы часто смеются надо мной: "Ты ищешь мифических исполнителей". Да, я, наверное, как гоголевская Агафья Тихоновна, желаю иметь невозможное: замечательные пальцы "фит", как у Бурнонвилля, чтобы пихты и дуэты делали, как в России, чтобы быстрота ног была, как у Балanchina, техника классического танца, как у лучших танцовщиков мира, и чтобы была необыкновенная персональность, сценичность, — таких нет!

И следующее несчастье — это остатки советского сознания: "Мы лучшие в мире!" К сожалению, многие знаменитые танцовщики и педагоги уезжают слишком поздно на Запад. А Запад — страшная вещь. Жизнь в буквальном смысле слова заставила меня учиться всему заново, и теперь, встречаясь со своими коллегами, я с грустью замечая, как

Валерий Панов (в центре) во время репетиции

десятилетия. Чтобы жить здесь, повторю, необходимо учиться законам западной демократии. Все приехавшие сюда наши "wilde horses" — дикие, необъезженные лошади, как говорят англичане.

Талант исчезает, если его не развивать. Если ты говоришь: я лучший в мире, то конец тебе! Как можно сегодня работать, не зная Бурнонвилля, Балanchina, Робинса, Грэм, Тетли, Килиана? Как можно работать без откровений Аштена в классике, без открытий французской школы? Это и есть наше имперство, и оно мучает меня всю мою жизнь.

— Как относятся в театре к тому, что так много русских?

— Никак. Людей набирают по таланту — и это тоже форма демократии. Всегда, наверное, некоторая доля национализма существует, но, конечно же, балетный мир произошел из России.

— Мне кажется, экономические возможности и здесь ограничены художника. Сильно повязаны вы ими?

— Балачин — гений балетного дизайна — на вопрос "почему он так открыл танцовщиков и обнажил формы?" отвечал, ошарашивая всех: просто у меня нет денег на костюмы. Я был юным, совсем ничего не понимал, думая, что это театральное кокетство. А все так и есть.

— Но на театр оказывают давление со стороны?

— Практически нет. Здесь, в Германии, как, впрочем, и в других странах, давить на тебя может только генеральный интendant театра, и ты ничего не сможешь сделать, если твоё решение не одобрено им. Конечно, ваш контракт — подспорье, в трудной ситуации он дает возможность маневра. Но интendant всегда может перекрыть вам кислород — хотя вместе с адвокатом обогриваешь пункты. Но как обогривить творческие нюансы? Да, интидентами должны быть высокие специалисты театральной организационной работы со знанием искусства, музыки и театра, но никогда не экономисты. В Германии финансовые структуры не связаны с руководством театра, они работают самостоятельно, в этом принцип. Разделение осознанное — должен быть контроль. И поэтому городские власти назначают финансового директора, нанимают директора балетной, оперной компании. Глава театра — генеральный интendant — дол-

жен организовывать все так, чтобы все работало на искусство, любить творчество, но это почти несбыточная, невозможная радость.

— Оказывает ли влияние на публику критика?

— Несколько давит паранойя модернизма. Личь бы продать идею. А как это исполнено — второе. Критика не интересуется классикой, она чрезвычайно ангажированна и противоречива. В Берлине восхищаются, но на публику это, слава Богу, влияния не оказывает. Современный театр переходит на маркетинг, и волей-неволей театр возвращается к классике, ибо зритель желает слышать чистую ноту.

— А как вы находите новых исполнителей?

— Никак! Они все ко мне приходят. У меня сейчас очередь человек сорок, ведь балетный мир очень маленький. При всех сложностях мне приходится брать русских. Я профессионал, и мне нужен инструмент. Но теперешние ребята уже начали кое-что понимать. Наша балетная компания — одна из сильнейших в Германии. Могут критиковать меня, но никогда исполнителей. В прошлом году у нас на балетах была стопроцентная посещаемость — других показателей уровня я не знаю.

— Давайте вернемся к времени вашего отъезда на Запад.

— В 1974 году я и Галина уехали из Советского Союза в Израиль. Эта страна очень много сделала для нас, она наш дом, и у нас замечательные контакты до сих пор. Нас помнят и любят. Но другое дело, что для создания национального балета нужны были миллионы, которыми, естественно, Израиль не располагал. Одного энтузиазма не хватило бы. Мы получили огромное количество предложений по миру, и все понимали, что мы не должны упустить свой шанс. Нами, кстати, были собраны большие деньги для Израиля — давали благотворительные концерты, спектакли, использовали свои хорошие контакты.

— А чем вы занимаетесь во время отпуска?

— Мы не отдыхали вообще никогда. Не успеваем даже выпиться, и так было всегда. Творчество — это галеры. Чтобы быть нужным, интересным, ты обязан быть в форме. И поэтому отдых — это просто другой контракт. Сейчас уже не успеваю ни с кем

встретиться из друзей, только летаю на премьеры. Здесь, в Бонне, для меня самое важное — покой и тишина, на остальное нет ни времени, ни сил.

— Вашему браку с Галиной двадцать пять лет. В чем ее самое сильное качество?

— Галина — человек высочайшей дисциплины и профессионализма. Она фанат балета, буквально живет в театре. К тому же страстный книголюб, учится всю жизнь. У нее на Западе не было ни одного свободного дня. Только раз она "отдыхала", когда после травмы ахилла, разрывая сухожилия, надо было серьезно восстанавливаться, и еще это совпало с беременностью. Родив сына, через пять месяцев она уже танцевала "Жизель". Она прекрасная актриса, много снималась на телевидении. А на Бродвее в знаменитом мюзикле "On your toes" в течение года каждый день, иногда по два раза, пела, танцевала, играла. Но об этом расспросите ее сами. С Галиной произошла интересная метаморфоза — многие годы она была молчуньей, а сейчас вдруг заговорила...

— Когда бы вы ни пришли в театр, Галина Панова всегда здесь, что репетирует, вводит других исполнителей. Уединиться для разговора оказалось делом непростым...

— Как вам удалось тогда в Нью-Йорке выдержать марафон в пятьсот спектаклей за сезон?

— Мне повезло в том, что все мои педагоги были неистово преданные балету люди. Родилась я в Архангельске. Мой отец был летчиком, и мы кочевали из города в город — Воркута, Вологда, Череповец, где мой первый учитель поставил меня в шесть лет "на пальцы". Потом, из-за моих слабых легких, переехали в Пермь. Там я поступила в знаменитое хореографическое училище. Тогда я не понимала, что многие мои педагоги были сильные! Они были очень разные, и мы пробовали все, поэтому я не боюсь сложных, неожиданных ситуаций. Чем сложнее, тем интереснее! Благодаря тому, что они в меня вложили, я выиграла в восемнадцать лет конкурс в Варне. Наверное, я была удачливой. Судьба одарила меня встречами с потрясающими художниками. Но круги жизни — это и паузы, и тяжкие часы ожидания, и неизвестность. Это страшно и пугает любого. И со мной тоже так часто бывало.

Так вот, сижу я на крыше нашего пентхауса в Иерусалиме, работы нет, подо мной сверкает огнями этот удивительный город, и думаю: "А что же дальше?" И вдруг — звонок из Нью-Йорка: вылетайте на пробу голоса. Нужна была балерина, умеющая петь и играть как драматическая актриса, — меня им порекомендовал Балачин. Этот спектакль начинала Наташа Макарова. Мне повезло, что каким-то чудом у меня оказался от природы поставленный голос. Этот драматический опыт был мне необычайно полезен — научил неторопливости, сдержанности, ушла излишняя нервность. Это невероятно — танцевать и говорить, но зато рождаются новые краски. Перед первой репетицией меня попросили не опаздывать, как все русские, потому что директор Джордж Аботи, которому тогда было за девяносто, всегда приходит на пять минут раньше. Честно говоря, первые месяцы еле ноги волочила после спектакля, и хотя жила рядом, возвращалась домой на такси и никуда не выходила. А потом пришло второе дыхание. После пятисот спектаклей в Нью-Йорке за сезон — уже в Лондоне было совсем легко — только шесть спектаклей в неделю, а на уик-энд я улетала в Антверпен к Валерию, где танцевала в его спектаклях. Но в результате перерузок повредила ахилл.

И вот опять сижу у себя на крыше дома в Иерусалиме, но уже в гипсе, и думаю: "Господи, а что же дальше?" Но иногда Господь спасает, и он послал мне сына. Ребенок дает удивительную силу, координацию! Ваше восприятие мира обостряется, и глубина чувств становится бездонной, неисчерпаемой.

Часто вспоминаю колокольный перезвон в Вологде, мама — на веслах, мы плывем в детский сад на другую сторону реки, и я пытаюсь представить себе, а что будет потом?

...А потом была жизнь.

В беседе принимали участие Валерий Панов, Галина Панова (Рагозина), Вадим Бондарь, Алексей Мусатов, Наталия Ситникова, Павел Хофман, Андрей Клемм, Татьяна Небосова и другие.

БОНН